

Mikhail Epstein. *The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)*.

London: Bloomsbury Academic, 2019;

Mikhail Epstein. *Ideas Against Ideocracy: Non-Marxist Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)*.

London: Bloomsbury Academic, 2022

Для цитирования: Сергеев, М.Ю. Рецензия на книги *The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)* и *Ideas Against Ideocracy: Non-Marxist Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)*, М.Н. Эпштейн. *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 480–489.

For citation: Sergeev, Mikhail Yu. Review of *The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)* and *Ideas Against Ideocracy: Non-Marxist Thought of the Late Soviet Period (1953–1991)*, by Mikhail Epstein. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 480–489. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 26.04.22

Принята к публикации / Accepted: 30.05.22

Общие замечания

В этом двухтомнике, вышедшем в 2019 и 2022 гг. в издательстве Блумсбери академик, русско-американский философ и культуролог Михаил Эпштейн обсуждает историю русской

мысли второй половины XX в., которую он в систематизированном виде представил англоязычному читателю. Эта новаторская работа одного из ведущих мировых теоретиков русской литературы, культуры и мысли впервые дает обширное и подробное исследование развития русской мысли в поздний советский период. Вопреки традиционному взгляду на интеллектуальную пустыню при советском режиме, Михаил Эпштейн предлагает всесторонний отчет о русской мысли во второй половине XX в. При этом он дает новое понимание ранее игнорируемых направлений, таких как российский либерализм, персонализм, структурализм, неорационализм, постмодернизм и культурология. Эпштейн показывает, как русская философия и культура долгое время находились в ловушке интеллектуальной тюрьмы собственного изготовления, поскольку стремились создать собственный утопический режим власти – идеократию.

Однако пришло время пересмотреть русскую философскую мысль и теорию культуры, теперь освобожденную от оков тоталитаризма. У нас остается не только новая и захватывающая интерпретация русской мысли, но и возможность переосмыслить собственное интеллектуальное наследие и пути в будущее.

Историко-философский контекст

Русская философская мысль Нового времени прошла через ряд «философских пробуждений», первое из которых пришлось на 30-е и 40-е гг. девятнадцатого столетия, т.е. на поколение Чаадаева, а также ранних западников и славянофилов. Вот как описывает это специфическое состояние национального сознания прот. Георгий Флоровский, который и ввел этот термин в область изучения русской мысли:

Есть свои времена и сроки для философских рождений. И не вообще наступает время философствовать, но у определенного народа возникает определенная философия. Такому пробуждению всегда предшествует более или менее сложная историческая судьба, полный и долгий исторический опыт и иску́с, – теперь становится он предметом обдумывания

и обсуждения. Начинается философская жизнь, как новый мoдус или новая ступень народного существования <...>¹

Второе пробуждение философской мысли в России выпало на первые две декады двадцатого столетия. Как замечает Эпштейн, этот «интеллектуальный ренессанс был связан с философским сборником “Вехи” (1909) и сочинениями Дмитрия Мережковского, Василия Розанова, Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Семена Франка, Павла Флоренского, Льва Шестова и других значительных фигур так называемого Серебряного века» (кн. 1, с. 6).

Наконец, третье подобное пробуждение, которое, собственно говоря, и является предметом изучения и обсуждения на страницах двухтомника, случилось во второй половине XX в., а точнее, в 1960–80 гг. Как пишет Эпштейн, оно «берет свое начало в период Оттепели (середина 1950-х – начало 1960-х гг.), который породил новые направления мысли, неявно независимые от официального марксизма или даже противостоящие ему, что привело к радикальной трансформации последнего» (кн. 1, с. 6).

Любопытно, что всем трем философским пробуждениям русской мысли предшествовали поэтические взлеты российской культуры – от «золотого» и «серебряного» веков русской поэзии до таких поэтических кумиров 50-х и 60-х гг., как Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина и Булат Окуджава.

Главный тезис – «платоно-марксизм»

Историко-философская диалогия Михаила Эпштейна посвящена позднесоветской мысли второй половины XX в. Ее важность для русской и европейской философии неразрывно связана с тем, как автор оценивает, говоря словами Бердяева, «значение и смысл русского коммунизма». Согласно концепции Эпштейна, советский марксизм явился завершением не столько

---

¹ Георгий Флоровский, *Пути русского богословия*, 4-е изд. (Париж: YMCA-Пресс, 1988), 234.

атеистической традиции в европейской мысли, сколько кульминацией и практической реализацией более чем двухтысячелетнего идеократического проекта основателя философского идеализма Платона.

Согласно Эпштейну, «Платон, Гегель и Маркс представляют собой три стадии развития идеализма в его прогрессивном симбиозе с социальной инженерией: (1) сверхъестественный мир идей; (2) проявление Абсолютной Идеи в истории; и (3) преобразование истории силой идей» (кн. 2, с. 4). Поэтому, – продолжает он, –

доминирующим интеллектуальным течением советской эпохи был не просто марксизм, а более конкретно платоновский марксизм – идеализм, утверждающий себя как регулятивный принцип материальной жизни. Если Платон, исходя из идеалистических предпосылок своей философии, вывел систему коммунистического государства, то Маркс, исходя из коммунистических предпосылок, вывел систему идеократии, диктаторского государства, которое было реализовано усилиями его наиболее убежденных и решительных советских последователей (кн. 2, с. 5).

Михаил Эпштейн считает, что русская философская традиция изначально предрасполагала к такого рода развитию:

Если мы попытаемся выделить центральный постулат русской философии, сравнимый с рационализмом во французской философии или эмпиризмом в английской, то это будет «холизм» или «тотализм». Такие разные русские мыслители, как Петр Чаадаев и Виссарион Белинский, Иван Киреевский и Александр Герцен, Владимир Соловьёв и Василий Розанов выдвигали категории «целостности», «цельности», «полноты» или «всеединства», которые предполагают прежде всего единство знания и бытия, разума и веры, интеллектуальной и социальной жизни (кн. 2, с. 2).

Окончательным результатом этой неизбывной тяги к тоталитарности и стала

реализация идеального правительства Платона, где порядок вещей был строго подчинен порядку идей <...>. На этом этапе

проект идеократии был как практически осуществлен, так и теоретически исчерпан. В определенном смысле русская философия последних двух столетий обобщает и проясняет более чем два тысячелетия платоновской традиции, а также указывает путь возвращения к основам, который является отделенным от идеалистической и идеологической сфер (кн. 2, с. 3).

В этом и заключается, по мысли автора, как уникальность, так и особенная важность для истории западной философии траектории русской мысли, приведшей к своей кульминации в позднесоветских философских построениях, которые «изначально и намеренно были формами интеллектуального самосвобождения» (кн. 2, с. 234).

Содержание первого тома

Первый том, после небольшого вступления, открывает раздел о «превратностях советского марксизма». В нем Михаил Эпштейн рассматривает эволюцию марксистской мысли в советской России, начиная с Владимира Ленина и Иосифа Сталина и заканчивая его ревизионистской и разрушительной самокритикой, а также последующим воскрешением, уже в качестве утопического псевдорелигиозного проекта, который «может быть в целом охарактеризован как «мессианский евразийский коммунизм» или «русский эсхатологический посткоммунизм» (кн. 1, с. 74).

В своем очерке, посвященном развитию советского марксизма, Эпштейн выделяет несколько важных периодов – «экстатический этап 1920-х годов, догматический этап 1930-х годов и возобновление энтузиазма 1950-х годов», связанное с публикацией на русском языке экономически-философских рукописей раннего Маркса; наконец, позднесоветский марксизм 60-х – 80-х гг., который стремился «защищать “вечные ценности” от коррумпированного Запада, а не бросать вызов застою Запада», угрожая мировой революцией (кн. 1, с. 56).

В ходе эволюции марксистской философии советского периода, пишет Михаил Эпштейн,

можно выделить две основные тенденции. Первая направлена на гуманизацию марксизма, пытаюсь совместить марксистский исторический детерминизм с человеческими ценностями; в конце концов, она приходит к пониманию несовместимости этих двух доктрин и перерастает в критику марксизма с гуманистической точки зрения. Эта тенденция начинается в середине 1950-х годов с распространением ранних трудов Маркса и завершается в конце 1980-х годов демонтажем марксизма лидерами коммунистической партии, особенно такими инициаторами перестройки, как Горбачев и Яковлев.

Вторая тенденция, которая движется в направлении «национализации» марксизма, начинается с работы Сталина по лингвистике и достигает кульминации в консолидации коммунистических и евразийских доктрин, воплощенных в таких идеях, как «мистический коммунизм» и других многочисленных крайне правых движениях <...>. Стоит отметить, что аспект марксизма, наиболее привлекательный для западных мыслителей – его акцент на исторических и экономических условиях общества как структурных детерминантах человеческого сознания – оказался одинаково чуждым обоим векторам развития советского марксизма (кн. 1, с. 76).

Второй раздел первого тома посвящен тому, что автор именует «неорационализмом», включающим структурализм, общую методологию и теорию систем. Главными фигурами здесь являются Юрий Лотман (философия семиосферы), Георгий Щедровицкий (системо-мыследеятельностная методология), Владимир Лefевр (рефлексивный анализ), Василий Налимов (вероятностно-ориентированная философия) и Мераб Мамардашвили (феноменология и теория сознания).

Следующий, третий раздел повествует о философии персонализма и свободы. Под рубрикой персонализма Михаил Эпштейн рассказывает о мыслителях, развивающих самые разнообразные формы персоналистской философии, – Якове Друскине (религиозный экзистенциализм), Лидии Гинзбург (между историцизмом и персонализмом), Григории Померанце (плюралистический персонализм и духовный универсализм), Борисе Хазанове (русско-еврейский персонализм), Михайло Михайлове (личностная свобода и планетарное сознание) и Борисе

Парамонове (сексуальное освобождение против национализма). Идет здесь речь и о философских поисках русских писателей и поэтов – Михаиле Пришвине (природа и личность) и Иосифе Бродском (приватность как основная ценность). Во втором подразделе о либерализме и западничестве Эпштейн знакомит читателя с либеральными мыслителями русского зарубежья и советской России – с Александром Есениным-Вольпиным (скептицизм и плюрализм), учеными-диссидентами (Андрей Сахаров, Аркадий Белинков и Андрей Амальрик) и либеральными историками (Натан Эйдельман и Александр Янов).

В четвертом и завершающем разделе первого тома под названием «Культурология, или философия культуры», Михаил Эпштейн представляет тех мыслителей, которые развивали в своем творчестве эту специфическую сферу философских изысканий. Сюда относятся Михаил Бахтин (диалогизм и методология гуманитарного знания), Алексей Лосев (диалектический идеализм и феноменология культуры), Ольга Фрейденберг и Яков Голосовкер (культура, миф и воображение), Дмитрий Лихачев и Николай Конрад (философия и филология; восток и запад), Владимир Библер (диалогическая логика и взаимодействие философий и культур), Сергей Аверинцев (философия культуры и христианства: проблемы герменевтики), и наконец, Георгий Гачев (жизнемыслие через разнообразие культур).

Содержание второго тома

Второй том историко-философской диалогии Михаила Эпштейна построен по аналогии с первым. В нем тоже четыре раздела. Первый из них посвящен философии национального духа, консерватизму, евразийству и традиционализму. Главными действующими лицами тут являются Петр Палиевский и Вадим Кожин (неославянофильское возрождение в эстетике и критицизме), Александр Солженицын (нация как личность; моральный консерватизм), Игорь Шафаревич (от антисоциализма к антисемитизму), Лев Гумилев (этнофилософия;

неоевразийство) и Александр Дугин (радикальный традиционализм и неофашизм).

Во втором разделе Эпштейн рассматривает религиозную мысль, развитую в русле православного христианства. Из эмигрантских теологов он выделяет Георгия Флоровского (богословское возрождение), Александра Шмемана (литургическая философия) и митрополита Антония Сурожского (экзистенциальное православие). Далее следуют отечественные мыслители, причем не обязательно профессиональные богословы – Валентин Войно-Ясенецкий (он же архиепископ Лука; теология и наука), Борис Пастернак (христианский интуитивизм), Анатолий Краснов-Левитин (христианский социализм), Сергей Желудков и Кронид Любарский (диалог между верующими и атеистами), о. Александр Мень (философия христианского синтеза), Татьяна Горичева (постмодернизм и христианство) и Сергей Хоружий (христианский энергетизм).

В третьем разделе речь идет о мистицизме, универсализме и космизме. Наряду с анализом общих черт и разнообразных версий российского мистицизма и космизма, Эпштейн выделяет трех его представителей – Даниила Андреева (религиозный универсализм и метаистория), Светлану Семенову (теология и технология активной эволюции) и Юрия Мамлеева (религия самоабсолютизации и пропасть негативности).

Наконец, четвертый раздел второго тома повествует о постмодернизме и концептуализме. Причем из профессиональных философов здесь представлены только Александр Зиновьев (сатирическая метафизика), Борис Гройс (постмодернизм против советского утопизма и западной демифологизации) и Валерий Подорога (академический постмодернизм). В остальных главах речь идет о деятелях литературы и изобразительных искусств – писателе Андрее Синявском (архаический постмодернизм), поэте Дмитриии Пригове (мерцающая эстетика), художниках Илье Кабакове (метафизика пустоты; философские инсталляции), Виталии Комаре и Александре Меламиде (философия соц-арта и эклектическая мораль).

Заключение, или Взгляд в будущее

Вслед за «Божественной комедией» Данте и «Человеческой комедией» Бальзака советские философы, деятели культуры и искусства в своих произведениях создали третью, интеллектуальную «комедию идей», которая возникла «из самосознания социалистического общества, внутренней пружины которого является не воля Бога и не частные интересы людей, а идеи, в которых сосредоточены вера и страсть огромных человеческих масс» (кн. 2, с. 234).

Позднесоветская мысль, стремившаяся вырваться из созданной ее предшественниками идеократической клетки, обнаружила, согласно Михаилу Эпштейну, две общие тенденции. Первая из них – анти тоталитарная, которая наиболее последовательно выражена в постмодернизме и концептуализме. Вторая – неототалитарная, которая достигает пика у православных националистов и неоевразийцев.

Причем оба этих вектора – концептуалистский и радикально метафизический – могут причудливо сочетаться друг с другом. Как замечает Эпштейн,

радикальный дискурс сам по себе все больше раскрывает внутренние концептуалистские качества; чем больше идея доводится до крайности, тем больше она обнажает отсутствие своего референта и чистый схематизм абстрактного умозрения (кн. 2, с. 226).

Русская мысль, подчеркивает он,

сознательно движется в полярных направлениях чрезмерного пророчества и неустанной иронии, балансируя между двумя противоположностями вместо того, чтобы попытаться их сблизить и стабильно синтезировать (кн. 2, с. 228).

Именно в этом «красочном взаимодействии крайностей, излучающихся в обоих направлениях», и заключается, по мысли автора, «оригинальность русской интеллектуальной культуры» (кн. 2, с. 228).

Отсюда же следует и общий вывод о том, что

сознательный симбиоз радикализма и концептуализма может наметить перспективу новой русской метафизики, которая придаст постмодернистское, саморефлексивное измерение традиционно русскому холистическому мышлению (кн. 2, с. 226–27).

Остается надеяться, что этот двухтомник, уникальный по широте охвата и системному подходу к философии второй половины XX в., найдет путь к отечественному читателю и будет переведен на русский язык.

М.Ю. Сергеев,

Университет искусств

19102, 320 Саут Брод Стрит, г. Филадельфия, Пенсильвания, США

msergeev@uarts.edu